

Виктор ПУЛЬКИН,
г. Петрозаводск

ПОСЛАМЫ ДЕРЖАВЫ ДУХА

*Проходя берегом мглิส-
того озера
Балатон, я искал
на песке следы легких
сандалий святого
Мефодия...
По старинному
поверью, поныне
ходят по земле
святые, творя чудеса
добротолубия.
Среди них есть
и прямые наследники де-
ла
«солунских братьев»,
ставшие, как и они,
полномочными
Послами Державы Духа.*

Великий устюжанин

Родился он через пять столетий после «солунских братьев» Кирилла и Мефодия. Наследовав их дух, был все же истинно русским человеком. Вырос в граде Устюге, у истоков Северной Двины. Славянином был и по характеру, открытому сочувствию и любви ко всем разноязычным народам.

Говорят, сызмалу прислушивался будущий святитель к речи людей северных племен, приезжавших на ярмарки в его город с низовой великих северных рек. Примечал зорким глазом равнодушного человека, какие причудливые знаки наносят они на деревянные дощечки, делая памятные затеси. Разглядывал орна-

менты на их одежде, сшитые ли из оленьих шкур или тканые из крапивного прядева.

Будучи иноком одного из монастырей Ростова Великого, он овладел не только русской, но и греческой грамотой. Приник к премудрости Священного Писания и наследию Отцов Церкви. Там, на славном озере Неро, памятном и мне с отроческих лет красой и славой берегов, он получил и монашеское имя – Стефан, впоследствии осиянное святостью, и благословение старцев своих – составить по примеру «солунских братьев» азбуку для людей финского племени, живущего в Приуралье, зырян, предков нынешних коми, письменна для назнаменованя слов их лесного языка. Ибо, как

неустанно повторяли свв. Кирилл и Мефодий, на всех языках достойно славить Господа. Святой Стефан перевел на родственный карелам язык священные и богослужебные книги... Он же крестил многих и многих зырян, став впоследствии первым епископом Великопермским.

Сказывают, однажды, когда он, никем не uznанный, тихо проходил в Москве мимо кельи святого Сергия Радонежского, Стефан обратился к великому старцу с мысленным, безмолвным испрошением благословения. Великий молитвенник Земли Русской услышал этот немой призыв души и, восстав, ответил младшему собрату благословением.

Это сближение ликов просветителя иноплемennых и Светоча державной Руси волнующе, показательно. Словно свеча зажглась от свечи... Отвеку противен православной душе национальный эгоизм, ныне ставший бедствием мира. Нам, нынешним, есть чему поучиться у предков.

Впервые св. Стефан отправился со словом о Боге, Творце и Промыслителе к поклонникам страшных идолов в 1378 году. Там, где сливаются воды рек Выми и Вычегды, в глухой тайге-парме, он воздвиг первый православный храм. Освятил его во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. А затем восемнадцать лет нес лесному народу, всем его племенам, весть о Христе. Посрамлял заблуждения язычников.

С людьми пармы – золотой лиственничной, синей кедровой тайги Приполярья – Стефан жил одной суровой жизнью, переживая все их невзгоды и редкие радости. Был понят и принят охотниками, оленеводами и рыбаками, хранителями уникальной народной поэзии, народного искусства. Нет, православие не посягнуло на добрые традиции зырян, отмечены были лишь злые обычаи.

Так была воспринята на Уральском Приполярье христианская вера.

Умер святитель Стефан, ставший на склоне лет епископом Великопермским, 26 апреля по старому стилю, 9 мая по новому, в 1396 году. Я видел в музее столицы Коми республики, Сыктывкаре, азбуку, составленную святым равноапостольным

*Святой Стефан,
епископ Великопермский*

Стефаном. Письмена напоминали все те же резы и тамги – родовые знаки коми народа – которые святой еще светлым отроком зрел в руках зырянских охотников и купцов.

...К слову говоря, этими родовыми знаками обозначен весь путь русских землепроходцев за Урал, вплоть до Тихого океана. Ведь неутомимые зыряне, известно, были проводниками русских крестьян и казаков в их неутолимом движении «встречь солнцу». И «Стефановы буквицы» сопровождали их.

«Русский философ»

С давних пор привлекает меня творчески интереснейший сюжет.

Во второй половине XVI века берега Северной Карелии близ Кемпи, Мурман в устье реки Колы увидели вымпелы Вильгельма Оранского – с геральдическим алым львом. Корабли из Нидерландов приходили сюда за каменными ядрами, которыми потом палили по насильникам, воинам испанского герцога Альбы, морские гезы, сподвижники памятного нам с детства Тиля Уленшпигеля. К слову говоря, образцы каменных ядер, выточенных на нашем Севере, и сейчас можно видеть в Кемском краеведческом музее, случалось находить в Поморье и циркули для определения калибра ядер. В годы Нидерландской революции весь мир под нажимом римского императора отказался оказывать военную помощь гезам. И лишь северные карелы и русские поморы поставили пушечный припас...

И вот, капитан одного из голландских галиотов, Симон ван Салинген, записал в своем судовом журнале: встретился посланец морских гезов с неким Федором Чудиновым, монахом и миссионером. Тем самым, что прослыл здесь, на севере Руси, «русским философом», так как написал историю Карелии и Лапландии) при этом «рискуив изобрести письма для карельского языка, на котором не писал прежде ни один человек».

Монах показал моряку алфавит, рукописи молитв, написанных на карельском языке изобретенными им письменами. «Историей» же могли в то время быть записи саамских и особенно карельских преданий, неполно записанных и совершенно

*Просветитель лопарей
Св. Феодорит Кольский*

не изученных поныне...

При первом же моем знакомстве с упоминанием Федора Чудинова в этом ярком документе пришло, конечно же, предположение: таинственный карельский миссионер, повторивший подвиг «солнечных братьев» и деяния великого устюжанина в нашем Приполярье, — не кто иной, как хорошо известный нам по Соловецкому патерику св. Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Ведь в древности лопью, лопарями нередко называли не только предков саамов, но и северных карел.

Это — вопрос специальный, нуждающийся в разработке. Я ждал слова историков. И вот мурманский профессор А. Ушаков в обстоятельной статье подтвердил рискованное предположение. Итак, мы знаем биографию первого создателя оригинального карельского алфавита (к сожалению, так пока и не найденного). Житие же святого Феодорита Кольского известно и доступно.

Дивно: как и Стефан Пермский,

судьбой своей Феодорит причастен к прекрасному белокаменному граду на Неро-озере, в реставрации кремля которого участвовал мой старый друг кижский плотник Михаил Мышев. Здесь, в Ростове Великом, будущий просветитель северных племен родился и вырос. Рыбачил на этом тихом, тинистом озере. Косил траву в росистых лугах, по которым однажды довелось пройти и мне...

Но уже в четырнадцать лет отрок ушел далеко на север, на Соловки, где и принял пострижение. Впоследствии, «навыкнув здесь всякой мудрости», посетил и другие монастыри. На Ладогe его благословил светоч Севера святой Александр Свирский.

В древнем Кирилло-Белозерском монастыре молодого инока с любовью встретили святые старцы, отцы-пустынники. Вернувшись же в Соловецкий монастырь, Феодорит получил благословение от своего отца духовного принять апостольский подвиг и отправился к «лопи».

С языками народов Севера св. Феодорит познакомился в Соловецком монастыре в свои молодые годы. По свидетельству его Жития, «ижора, чудь, лопь, каюна и мурмане приходили в обитель, становясь иноками».

Феодорит перевел некоторые молитвы на язык «лопи». Обучил людей северных народов истинам Веры. Трудясь двадцать лет, окрестил тысячи недавних язычников. Был игуменом, затем — архимандритом монастырей в Суздале, Ярославле. Ездил с поручением Ивана Грозного к цареградскому патриарху. Вновь был назначен настоятелем обители — на Вологодчине.

Св. Феодорит Кольский вновь и вновь посещал лопарей — северных карел и саамов. В одно из таких поздних посещений Севера — во второй половине XVI века — видимо, и состоялась памятная встреча сподвижника Тиля Уленшпигеля с учени-

ком св. Александра Свирского. Преставился Федор Чудинов в августе 1571. («Светская» фамилия святого распространена и поныне; возможно, это прозвище, данное Федору за его интерес к «чуди», — так на Руси искони называли северные, преимущественно финские, народы, как действительные (вепсы, эстонцы, финны), так и легендарные, о которых можно услышать и теперь.)

За подвижническую жизнь, просветительские труды Церковь причислила блаженного к лику святых. Житие блаженного архимандрита, просветителя лопарей, к сожалению, умалчивает о его исторических сочинениях. Мимоходом сделанная рукой голландского капитана, сурового геза, запись нам особенно драгоценна.

В своих поездках по нашему северу, бывая в избах карел и русских поморов, я не раз с надеждой поглядывал на божицы в красном углу, заглядывал в с готовностью раскрываемые передо мной расписные сундуки, взбирался на «вышки» — чердаки домов. Нет, мне пока не повезло. Но твердо верю: однажды, когда-нибудь, придет в старинное село счастливец. Найдет рукопись, спрятанную меж досок, переплетенную телячьей кожей. Разберет на рыхлой, с водяными знаками бумаге или на пергаменте начертанные неведомые прежде письмена. И прочитает древние памяти Карелии, легенды ее народов, записанные с тщанием и любовью русским иноком, смиренным Феодоритом...

*При оформлении статьи
использована старинная гравюра
Троицкого Стефано-Ульяновского
монастыря у зырян*

